

ГОРЬКИЙ — П. С. КОГАН

Переписка Горького с Петром Семеновичем *Коганом* (1872—1932), литературоведом и критиком, охватывает 1924—1929 гг. Личное знакомство Когана с Горьким состоялось в 1927 г., когда Коган, будучи в Италии в качестве организатора советского отдела на Международной выставке декоративного искусства в Милане, посетил Горького в Сорренто. Горький интересовался деятельностью Государственной Академии художественных наук (ГАХН), возглавляемой Коганом, и внимательно следил за изданиями Академии. Особый интерес проявлял Горький к работе ГАХН по изучению искусства народов СССР.

Коган неоднократно писал о творчестве Горького (см. «Литература великого десятилетия», М.—Л., 1927, «Горький», М.—Л., 1928, «Очерки по истории новейшей русской литературы», т. IV, М.—Л., 1929, и пр.). О встрече с Горьким в Сорренто Коган рассказал в очерке «Встречи и впечатления. У Горького» («Вечерняя Москва», 1927, №№ 122 и 123, от 1 и 3 июня).

Одно письмо Горького Когану от 22 июля 1927 г. опубликовано в т. 30 (№ 861).

Ниже публикуются семь писем Горького и двенадцать писем Когана.

1

КОГАН — ГОРЬКОМУ

А. М. Пешкову (М. Горькому)

⟨Москва.⟩ 26 февраля 1924 г.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

В Англии организуется Общество культурного сближения между Союзом Советских Республик и Великобританией для целей взаимной информации по вопросам науки, искусства, педагогики и проч., а также для целей обмена литературой, лекторами, для организации выставок и проч.¹

Российская Академия художественных наук, имеющая в своем составе специальную комиссию для сближения с Западом, получила от выше-названного Общества, организующегося в Англии, извещение с просьбою испросить согласие выдающихся русских культурных деятелей на помещение их имен (наряду с именами английских представителей) под воззванием Общества.

На основании этого Академия позволяет себе обратиться к вам; считывая, что вам не может быть чуждой идея этого Общества, поставившего себе целью расчистить ту дорогу, движение по которой так необходимо для живой жизни русского искусства и науки,— Академия просит вас дать согласие на внесение вашего имени в список сочувствующих этому делу.

Президент Академии П. С. К о г а н

Письмо написано на бланке Российской Академии художественных наук.

¹ Речь идет об «Английском обществе культурной связи с СССР», организованном в 1924 г. и существующем по сей день.

2

КОГАН — ГОРЬКОМУ

Москва. 20 марта 1927 г.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Посылаю вам следующее обращение, которое мне как председателю упомянутого в нем собрания поручили переслать вам. От себя добавлю, что обращение это, предложенное Президиумом, было встречено с редким энтузиазмом. Оно вполне соответствует чувствам, которые, как я думаю, питает к вам вся мыслящая Россия.

Глубоко уважающий вас
П. С. К о г а н

«Многочисленное собрание в Большой Аудитории Политехнического музея, посвященное вашему творчеству, шлет горячий привет любимому учителю и писателю. Мы разделяем веру всей мыслящей России, что не далеко время, когда вы вернетесь к нам и мы услышим ваше слово здесь, в освобожденной стране.

Президиум собрания»

На собрании присутствовало 800—1000 чел. интеллигенции, молодежи, рабочих и пр.

3

КОГАН — ГОРЬКОМУ

«Сорренто». 11 мая 1927 г.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Я бы хотел вас повидать.

Фамилия моя Коган (Петр Семен[⟨]ович[⟩]) — возможно — известна вам. Я много писал по истории лит[⟨]ературы[⟩]. В наст[⟨]оящее[⟩] время — президент мною же основанной Академии худож[⟨]ественных[⟩] наук в Москве.

Если вы не склонны видеть меня, то не стесняйтесь. Если вас это не затруднит и вам интересно послушать о Москве, напишите открытку по адресу: Sorrento, Hotel Cosimella, № 63, где я пробуду еще дней 7—10¹.

Ваш П. С. К о г а н

Из Москвы я выехал недели две тому назад.

П. К.

¹ В мае 1927 г. Коган находился в Италии в качестве генерального комиссара советского павильона на Международной выставке декоративного искусства в Милане.

4

КОГАН — ГОРЬКОМУ

Milano, Corso Buenos Aires 1.
Pens Guida 21. V—1927.

Дорогой Алексей Максимович!

Сегодня послал вам издания нашей Академии, какие оказались под рукой. Послал также «L'Art Décoratif»¹, издание о нашей худож[⟨]ественной[⟩] промышленности, также сделанное Академией. Там найдете снимки, между пр[⟨]очим[⟩], палеховских мастеров. Когда будут готовы фотографии и

распакованы экспонаты, пришлю вам на память о русском богомазе образчик.

Я долго буду помнить нашу встречу и мягкую мудрость в<аших> речей. Привет вашим.

Искренно ваш
П. Коган

Открытие 29-го ². Было бы большой радостью для нас, если бы вы приехали. Но, помня ваше здоровье, не очень настаиваю. Само собою разумеется, что в случае возможности для вас приехать все расходы были бы оплачены.

¹ «L'art décoratif URSS», Moscou — Paris, 1925.

² Открытие третьей Международной выставки декоративного искусства в Милане.

5

ГОРЬКИЙ — КОГАНУ

⟨Сорренто. 25 мая 1927 г.⟩

Знакомство с вами, дорогой Петр Семенович, одно из тех — не частых — знакомств, когда жалеешь: почему не знал этого человека раньше. Это говорится не из любезности, не ради комплимента — мы с вами уже достаточно слышали комплиментов, — нет, это от чувства искренней симпатии и уважения к вам. Спасибо за присланные книги, все они, кроме Грифцова ¹, — новость для меня. Из книг, изданных Академией, я знаю еще Ронсара ² и книжку С. Л. Толстого о Ф. Толстом ³.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
П. С. КОГАНА ГОРЬКОМУ
НА КНИГЕ: «ПРОЛОГ. МЫСЛИ
О ЛИТЕРАТУРЕ И ЖИЗНИ»
(Пг., 1915):

«А. М. Горькому единственная книга
моя, мною любимая. 19 16/VII 27
П. С. Коган. Москва».

Личная библиотека Горького

Задачи, поставленные Академией, — широки, интересны, интересны и работы, уже выполненные ею; вы, пожалуйста, не забудьте держать меня в курсе ваших работ, Петр Семенович!

Вопрос о том, попаду ли я на выставку, еще не ясен для меня ⁴, мне теперь приходится сидеть за корректурой романа ⁵, а из Берлина присылают лист в день, книга же — л<истов> ²⁵!

Побывать в Милане — хочется, да и с вами побеседовал бы с наслаждением, да вот все у меня не ладится.

Крепко жму вашу руку. Какая прелесть палеховский пахарь и как великолепно блюдо Фарф<орового> завода ⁶. Совершенно удивительна быстрота, с которой наши кустики овладели новой для них художественной формой.

А. Пешков

25.V — 27.

¹ Б. А. Грифцов. Теория романа. М., ГАХН, 1926.

² Ронсар. Переводы С. В. Шервинского. М., ГАХН, 1926.

³ С. Л. Толстой. Федор Толстой Американец. М., ГАХН, 1926.

⁴ Горький на открытии Миланской выставки не был.

⁵ В это время Горький работал над корректурой первого тома «Жизни Клима Самгина», который печатался в Берлине в изд-ве «Книга».

⁶ Вероятно, Горький имел в виду репродукции в книге «L'art décoratif»: «Палеховский пахарь» И. Голикова и блюдо Ленинградского фарфорового завода.

6

КОГАН — ГОРЬКОМУ

Милан. 9/VI 1927.

Дорогой Алексей Максимович.

Посылаю вам свои статьи о нашей встрече ¹. Не сердитесь, если есть неточности. Я старался быть точным, потому что, может быть, даже лучше вас самого — сознаю ценность каждого в<ашего> слова и его значение.

Одно верно — что в моих статьях нет ни одного неискреннего слова.

Я уеду из Милана во вторник утром. Был бы рад получить от вас неск<олько> строк, особенно о вашем здоровье. Если это уже поздно, то напоминаю московский адрес: Москва, ул. Кропоткина, 32, кв. 6.

Когда выставка закончится, мой заместитель В. Э. Мориц ², остающийся здесь на все лето до закрытия (в октябре), пришлет вам палеховскую работу ³. Оказывается, что по здешним правилам нельзя снимать вещей до закрытия.

Адрес его — можно прямо на выставку — Monza villa reale. Esposizione dell'URSS. Moritz — на случай, если вам что-н<и>б<удь> понадобится в Милане или если бы вы захотели приехать, обращайтесь к нему. Искренний привет вашим.

П. С. Коган

15.VI.

Только что мне вернули это письмо. Почему оно не было вам доставлено, — не понимаю. Посылаю вторично.

¹ «Письма из-за границы. Встречи и впечатления у Горького». — «Вечерняя Москва», 1927, №№ 122 и 123, от 1 и 2 июня.

² Владимир Эмильевич Мориц (р. 1890) — переводчик, театровед и режиссер.

³ Речь идет о палеховской табакерке.

КОГАН — ГОРЬКОМУ

Москва. 16 июля 1927 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Получил ваше письмо, благодарю вас за хорошие строки по моему адресу. Ваши письма для меня всегда большая радость. Больше всего люблю вашу неустанно работающую и всегда строящую мысль. Нет в вас расслабляющей рефлексии и интеллигентского нытья, к сожалению еще и сейчас не вполне изжитого нами. Как хорошо из ваших уст слышать эти слова: одолеть СССР нельзя, и тысячи Чемберленов роста ее не задержат. В это необходимо верить и верить безусловно — тогда легко жить и работать. А то подчас трудно¹.

Я по приезде в Москву сразу завертелся, как это бывает со всяким москвичом, отсутствовавшим два месяца, нашел кучу накопившихся дел. Самое интересное из того, чем занята в данный момент Академия, это — подготовка грандиозной выставки искусства народов СССР² к X-летию Октябрьской Революции. В выставке принимают участие и центр, и самые отдаленные окраины, на ней будут продемонстрированы не только произведения индивидуального творчества, но и творчество народное, начиная с вышивок и игрушек и кончая записями музыкальной продукции, национальными музыкальными инструментами, книгами, отпечатанными на алфавитах, которых не существовало до революции у народов, впервые получивших письменность благодаря Октябрю. Мы готовим вместе с выставкой показательные вечера, лекции, демонстрации и надеемся, что это предприятие даст крупный толчок, положит начало делу взаимного ознакомления и сближения многочисленных национальностей, входящих в состав Союза. Работа сейчас в полном разгаре, задача наша — не только выставка временного характера, но и основание в результате ее постоянного научного центра при Академии с материалами, с литературой, образцами народного творчества и т. д. Здесь должно сосредоточиться дальнейшее развитие этого важного дела, начало которого положит выставка.

Вообще, Академия, основанная всего 5—6 лет тому назад, все шире развертывает свою работу. Посылаю вам ее последние издания. Посылаю также «Успехи и достижения современной науки и техники»³, о которых говорил с вами в Сорренто. К X-летию готовится еще более полная работа, подводящая итоги советской науке, в том числе и литературоведению. Пробежите, если у вас будет время, мой «Пролог»⁴. Это моя любимая книга.

Привет вашим.

Искренне ваш

П. С. К о г а н

¹ В письме от 22 июня 1927 г. (т. 30, № 861). Горький писал:

«...сразу же после нашего свидания — события в Лондоне, убийство П. Л. Войкова, которого я знал, ленинградские бомбы, смерть Турова, самоубийство Л. А. Тарасевича, тоже знакомого и уважаемого мною, — все это сильно расстроило меня. Несчастья меня никогда не угнетали, не угнетают, но приводят в бешенство, и так как выразить его здесь я могу только пером, то мне очень трудно.

Разумеется — я ни на минуту не сомневаюсь, что одолеть СССР — нельзя, — опоздала! И даже тысячи Чемберленов рост ее не задержат, надолго — не смогут!»

² К десятилетию Октября были открыты две выставки: выставка художественной литературы, организованная ГАХН совместно с Федерацией писателей в помещении «Дома Герцена» на Тверском бульваре; выставка изобразительного искусства, театра и кино в здании Нескучного дворца. Экспонаты этой выставки положили начало нынешнему Этнографическому музею народов СССР.

³ «Успехи и достижения современной науки и техники». Сб. статей. М., «Работник просвещения», 1926.

⁴ П. С. К о г а н. Пролог. Мысли о литературе и жизни. Пг., изд. Я. М. Нейенбург, 1915. Книга была послана Горькому с надписью: «А. М. Горькому, единственная книга моя, мною любимая. П. С. К о г а н. 16 июля 1927 г. Москва» (ЛБГ).

8

ГОРЬКИЙ — КОГАНУ

⟨Сорренто. 2 августа 1927 г.⟩

Спасибо, дорогой П⟨етр⟩ С⟨еменович⟩, за книги; из них самая неожиданная и значительная для меня — «Пролог». Это — не комплимент, конечно, а, если хотите знать, — «конфуз». Неловко сознаться, что я, читатель весьма усердный, пропустил мимо себя книгу, написанную 12 лет тому назад и, на мой взгляд, очень ценную. Неожиданна для меня книга ваша потому, что — вы уж позвольте мне говорить «без оглядки» — некоторые из товарищей помещали вас где-то рядом с Шулятиковым¹, а я не озабочился проверить этот несправедливый взгляд читателей невнимательных. Этим я отдал дань общему, привычно-невежественному отношению к человеку, отношению, которое служит причиной множества несправедливостей, как вы знаете.

Вышло что-то вроде «покаяния» и, может быть, смешно. Пускай так и будет. А «Пролог» следовало бы переиздать и ввести его в литературные кружки молодых, начинающих писателей². Не говорю, что книжка эта должна быть «катехизисом», но ее идейное богатство, идеологическая стройность, бесспорно очень обогатила бы молодежь, невежество которой почти так же велико, как и ее талантливость. Особенно ценно в «Прологе» то, как метко и крепко подобраны в ней изъяснения индивидуалистов «антиобщественников», а современной молодежи очень важно понять, куда, в конце концов, доводит индивидуализм, какими искажениями он грозит человеку, как легко отрывает его от мира³.

В книге очень много «начинки» для героев современных повестей и романов, героев, которые или совсем не умеют формулировать, или же очень туманно формулируют мотивы своих действий. Немножко разума совершенно необходимо для окраски сереньких туманов «психологии» в более яркие цвета.

Будучи издана, книжка ваша возбудила бы очень горячие, весьма полезные волнения и споры среди молодежи, которая, как я вижу и знаю, «серьезных», толстых книг не читает, а ваша книга — тонка и в прямом и в переносном смысле понятия, в то же время она достаточно серьезна.

Афористическая форма делает ее легко усвояемой. Издайте, это, на мой взгляд, очень нужно. Хорошо, что издана: «Муки слова» Горнфельда⁴, но читают ли ее? Она, конечно, «в другой плоскости», но тоже весьма полезна.

Очень крепко жму вашу руку и рад, что познакомился с вами. Всего доброго!

А. П е ш к о в

2.VIII — 27.

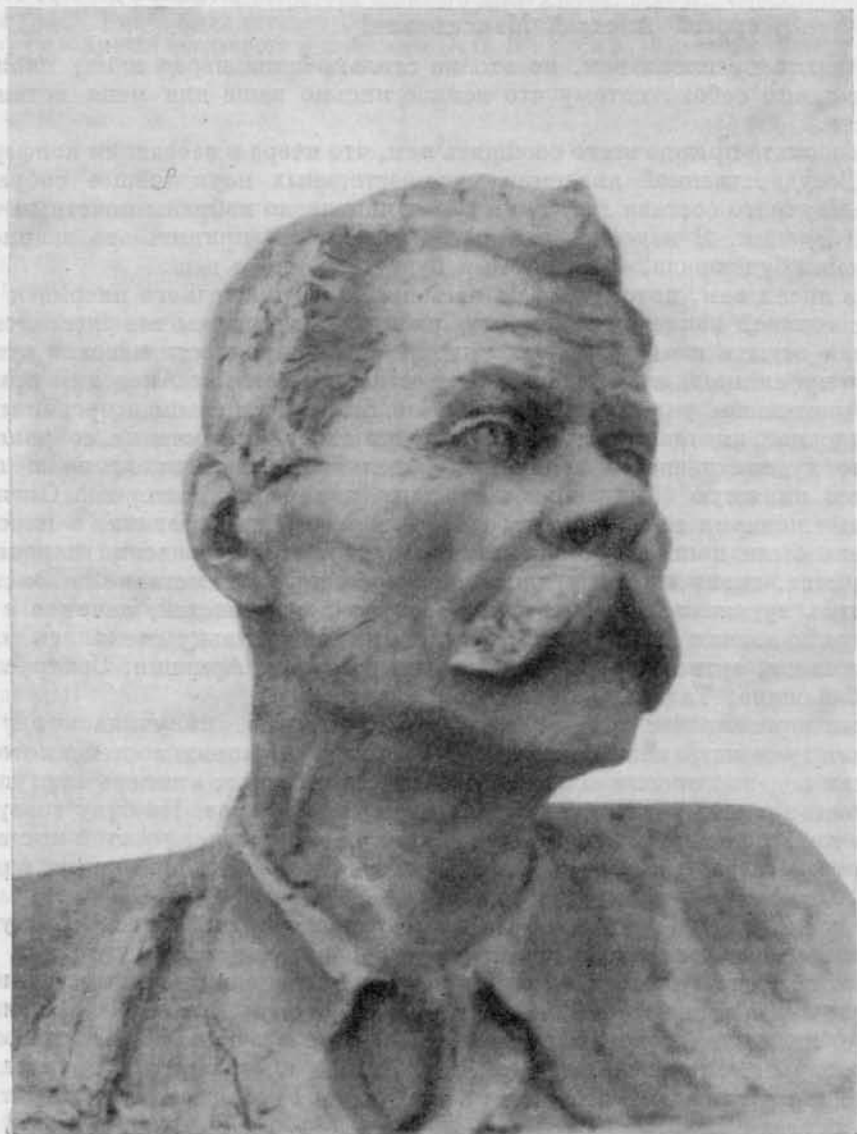
Sorrento.

¹ Владимир Михайлович Шулятиков (1872—1912) — литературный критик, трактовавший марксистские положения в духе вульгарного социологизма.

² В то время существовало уже второе издание «Пролога» (М.—Пг., ГИЗ, 1923), о чем Горький, очевидно, не знал.

³ В «Прологе», в главе «О повелительном наклонении и модернизме» Коган цитировал произведения Сологуба, Бальмонта, Ницше, Штирнера, Метерлинка и др.

⁴ А. Г. Горнфельд. Муки слова. М.—Л., Госиздат, 1927.



ГОРЬКИЙ

Скульптура (бронза) С. Т. Коненкова, Сорренто, 1928 г.

Музей Горького, Москва

КОГАН — ГОРЬКОМУ

Москва. 6 декабря 1927 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Я давно не писал вам, но это не столько вина перед вами, сколько перед самим собою, потому что всякое письмо ваше для меня истинная радость.

Позвольте прежде всего сообщить вам, что вчера в заседании конференции Государственной академии художественных наук (общее собрание всего научного состава Академии) вы единогласно избраны почетным членом Академии. Я надеюсь, что вы не откажетесь принять это звание, а Академия будет рада, что ваше имя будет связано с нею.

Не писал вам, потому что со времени моего последнего письма к вам был с головой вовлечен в кипучую работу, которую мы все здесь несем, не зная отдыха и часто уделяя сну не более пяти-шести часов в сутки. За это время прошли юбилейные торжества ¹, в которых Академия принимала деятельное участие, выразившееся главным образом в организации грандиозной выставки искусства народов СССР ². Выставка собрала не только художественную продукцию отдельных художников, но и продукцию книжную (были книги на языках народов, которым Октябрь впервые подарил письменность, которые не имели алфавита, в царские времена были поистине «немые» народами), и произведения народного творчества, ткани, шитье, резьбу, дерево и пр. На выставке демонстрировались художественные изделия всех национальностей, начиная с белорусов и кончая узбеками и сибиряками. На выставку съехались сотни художников, артистов и поэтов Украины, Грузии, Армении, Белоруссии, Азербайджана, Татарии, Башкирии и т. д.

Был организован ряд публичных выступлений, получилась внушительная демонстрация единения и братства национальностей, которые еще так недавно носили обидную кличку «инородцев», а теперь выступили в качестве равноправных, свободно творящих народов. Не буду говорить вам о том, какие сокровища творческого духа вскрылись на этой выставке и на этом съезде, отчасти вы прочтете об этом в прилагаемой книге, изданной Академией — «Искусство народов СССР» ³.

В последнее время мне часто приходится говорить о вас. По случаю тридцатипятилетия вашей литературной деятельности не только все ученые общества и рабочие клубы устраивали специальные заседания и вечера, посвященные вам. Приходится говорить и на лекциях в университете, где молодежь изучает ваши произведения и ставит много вопросов по поводу их. Впрочем, вы, вероятно, сами и по газетам, и по письмам знаете достаточно, как относится к вам новая Россия и как она ждет вашего приезда сюда.

Посылаю вам некоторые издания Академии и мою книгу «Литература великого десятилетия» ⁴, значительно переработанную после «Литературы этих лет» ⁵.

Напишите, если будет время. Повторяю, для меня всегда большая радость — ваши письма. Как ваше здоровье? Искренний привет вашим.

Искренно ваш

П. С. К о г а н

Издания Академии вам обычно посылаются по выходе в свет. Получаете ли вы их? Если вас интересует что-нибудь из вышедшего в России, сообщите — пришлю вам.

¹ В связи с десятилетием Октябрьской революции.

² См. письмо 7, прим. 2.

³ «Искусство народов СССР». М., ГАХН, 1927.

⁴ П. С. К о г а н. Литература великого десятилетия. М.—Л., «Московский рабочий», 1927. Книга была послана Горькому с надписью: «Дорогому Алексею Максиму-вичу от искренне преданного и любящего П. С. К о г а н а, 6 декабря 1927 г.» (ЛБГ).

⁵ П. С. К о г а н. Литература этих лет. Иваново-Вознесенск, «Основа», 1924.

10

ГОРЬКИЙ — КОГАНУ

(Сорренто. 18 декабря 1927 г.)

Дорогой Петр Семенович —

честью избрания меня в члены Академии очень тронут ¹, прошу вас принять мою благодарность и передать таковую академикам.

Отчеты о блестящем успехе организованной Академией выставки я читал и — радовался. То, что сделано Соввластью для «бесписьменных» — «немых», как вы правильно сказали, — народов, даст в недалеком будущем, конечно, прекрасные результаты, ибо, оценив значение грамотности на своем, племенном языке, они, неизбежно, оценят и значение русского языка, — а это, так же неизбежно, вовлечет их в общее и все более расширяющееся русло русской культуры, которой суждено быть социалистической, как бы ни были велики силы, этому препятствующие.

Из Монцы получил ваш подарок — отличную палеховскую табакерку, а вслед за тем А. И. Рыков прислал мне целый, тоже палеховский, прибор для письма, чернильницу и прочее ². Вещи изумительной красоты!

Я писал А. И., — благодаря его, — что это палеховское мастерство тоже одно из маленьких чудес, созданных революцией, тоже свидетельство пробуждения творческих сил в массе трудового народа. Стоит сравнить работу «богомазов» Палеха, Холуя, Мстеры до революции с тем, что они дают сейчас, и мы поистине будем изумлены прыжком, который сделали кустари. Возможно, что это один из наиболее показательных прыжков от «необходимости» подневольного труда к «свободе» творчества.

Я бы очень советовал собрать в одном из московских музеев дореволюционную работу Палеха, — иконы — «фряжского» и «византийского» письма, — сопоставить эти работы с достижениями сего дня и, показывая это прекрасное «дело» экскурсантам, говорить им о глубоком символическом значении уродства, побежденного красотой свободного творчества.

Устройте это, дорогой Петр ! Семенович, ! право же не плохо будет!

Очень благодарю за присланные книги. Отлично издают у нас.

На «Записной книжке» Чехова ³ помечено: «Выпуск второй». Разве был и первый? Если таковой имеется — пришлите, прошу!

Интереснейшая «книжка».

Крепко жму руку. Всего доброго.

А. П е ш к о в

18.XII — 27.

¹ См. письмо 9.

² Письменный прибор работы И. Голикова экспонируется в Музее А. М. Горького в Москве.

³ «А. П. Чехов. Записные книжки». Тексты и материалы». Вып. 2. М., ГАХН, 1927.

КОГАН — ГОРЬКОМУ

Москва. 7 января 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Получил ваше письмо.

Прежде всего — небольшое недоразумение. «Выпуск II» на «Записной книжке» Чехова — это — второй выпуск серии «Текстов и материалов». Первый выпуск — «Письма Пушкина» — в свое время был вам послан.

В каждом вашем письме есть идеи, которым хотелось бы дать широкое распространение. Таково, например, в последнем письме все, что вы пишете о выставке искусства народов и о Палехе. Мне очень хотелось опубликовать эти отрывки из вашего письма, но я не решился сделать это без вашего разрешения. Если вы ничего не имеете против, то я сделаю это, т(ак) к(ак) мысль, подкрепленная вашим авторитетом, может быть легче реализована¹.

В конце апреля или в начале мая в Венеции откроется очередная международная выставка искусств, где будет и советский Отдел². Организация этого Отдела возложена на Академию, и, вероятно, мне в качестве его комиссара придется снова быть в Италии. Надеюсь — попаду на юг и снова увижусь с вами.

Крепко жму в(ашу) руку, дорогой Алексей Максимович, как приятно было читать в(аши) прекрасные письма о Сов(етской) России³ в связи с десятилетием и как радостно знать, что ваша энергия, в(аш) интерес ко всему неиссякаемы, что вы бодры и сильны духом как всегда.

Ваш П. С. К о г а н

¹ С разрешения Горького Коган опубликовал отрывки из письма от 18 декабря 1927 г. в статье «У Горького». См. «Горький. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком», под ред. И. Груздева. М.—Л., Госиздат, 1928.

² Речь идет об очередной двухгодичной выставке в Венеции — Biennale.

³ Имеются в виду статьи и письма Горького: «Десять лет». — «Известия», 1927, № 244, от 23 октября; «О новом и старом». — «Известия», 1927, № 250, от 30 октября; «Мой привет». — «Правда», 1927, № 255, от 6 ноября.

ГОРЬКИЙ — КОГАНУ

<Сорренто. 17 января 1928 г.>

Каждый раз, дорогой Петр Семенович, когда вы найдете, что то или иное мое письмо — или же часть письма — имеет практическое значение и заслуживает опубликования, вы, пожалуйста, публикуйте.

Мне думается, что показательные выставки: «Как работали» — «Как работают» имели бы дважды воспитательное значение, возбуждая — как в случае Палеха, Лукутинских работ¹ и т. д. — соревнование и — как в случае нижегородских кустарей-игрушечников — стыд; эти кустики делают игрушки хуже, чем делали раньше. Стекло, гончарное, посудное дело тоже требует таких сравнительных выставок. Кое-где значение их уже понимается, как увидите из прилагаемого письма и снимка². Я думаю, что вам следовало бы связаться с О(бществом) Техмасс, которое организует В. М. Свердлов, отличнейший человек и умница³. Выставки, о которых мы с вами беседуем, не могут не входить в план задач этого, в высшей степени необходимого у нас О(бществ)а. К письму этому прилагаю курьезный, но не редкий образчик бесцеремонности итальянских журналистов. Человек, не видя меня нигде, ни единого раза, напечатал безграмотнейшее интервью, а затем уже обратился ко мне с еще более бесцеремонной просьбой «подтвердить» его глупую выдумку.

Ознакомясь с этим интервью, будьте добры отправить его почтой в «Музей революции» — Тверская 59 — т. Сер<гею> Иван<овичу> Мицкевич⁴, который предложил мне снабжать его такими курьезами.

Вам я намерен присылать статейки итальянской прессы о русских литераторах, артистах, ученых и т. д., — если вы ничего не имеете против этого. У меня кое-что накопилось по этой части.

Будьте здоровы, дорогой П<етр> С<еменович>.

С новым годом! И — доброго успеха в работе вашей.

А. Пешков

17.I.28. Sorrento.

¹ Речь идет о художественной артели живописцев села Федоскино Московской области. До революции она существовала как «Федоскинская кустарная артель бывших мастеров фабрики Лукутина». П. В. Лукутин был владельцем этой кустарной фабрики в середине XIX века, когда артель прославилась своими лаками и папье-маше.

² Письмо и снимок не сохранились.

³ Вениамин Михайлович *Свердлов*: (у Горького описка — В. Я. Свердлов) — инженер, один из инициаторов создания Общества содействия распространению технических знаний среди широких масс трудящихся («Техника — массам»). См. письмо к нему Горького — т. 30, № 886.

⁴ Сергей Иванович *Мицкевич* (1869—1944) — старый большевик. С 1923 г. директор Музея революции в Москве, в организации которого принимал деятельное участие.

13

КОГАН — ГОРЬКОМУ

Москва. 30 марта 1928 г.

Поздравляю, дорогой Алексей Максимович!¹ Никогда не любил вас так, как теперь, за ваши чудесные последние выступления. Никогда не нужен нам был так голос совестливого ума и пламенного сердца. Здоровья, большой жизни желаю вам.

Петр Коган

Поздравление с 60-летием со дня рождения.

14

КОГАН — ГОРЬКОМУ

<Москва.> 16 сентября 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Давно хотел и написать вам, и поговорить с вами. Но не решался сделать это, читая постоянно в газетах о том, как вас разрывают. Не хотелось увеличивать собою бесчисленное количество тех, кто и без того не дают вам покоя.

Но прочел вашу статью¹ по поводу книги, изданной Академией художественных наук, «Писатели современной эпохи»², и решил написать вам. Не могу скрыть от вас, что статья эта глубоко огорчила и задела меня. И не потому только, что она бросает косвенно тень на Академию. Задела и потому, что я привык относиться с глубочайшим уважением к каждому вашему слову. И мне непонятно, как вы могли написать в немногих строках столько несправедливого.

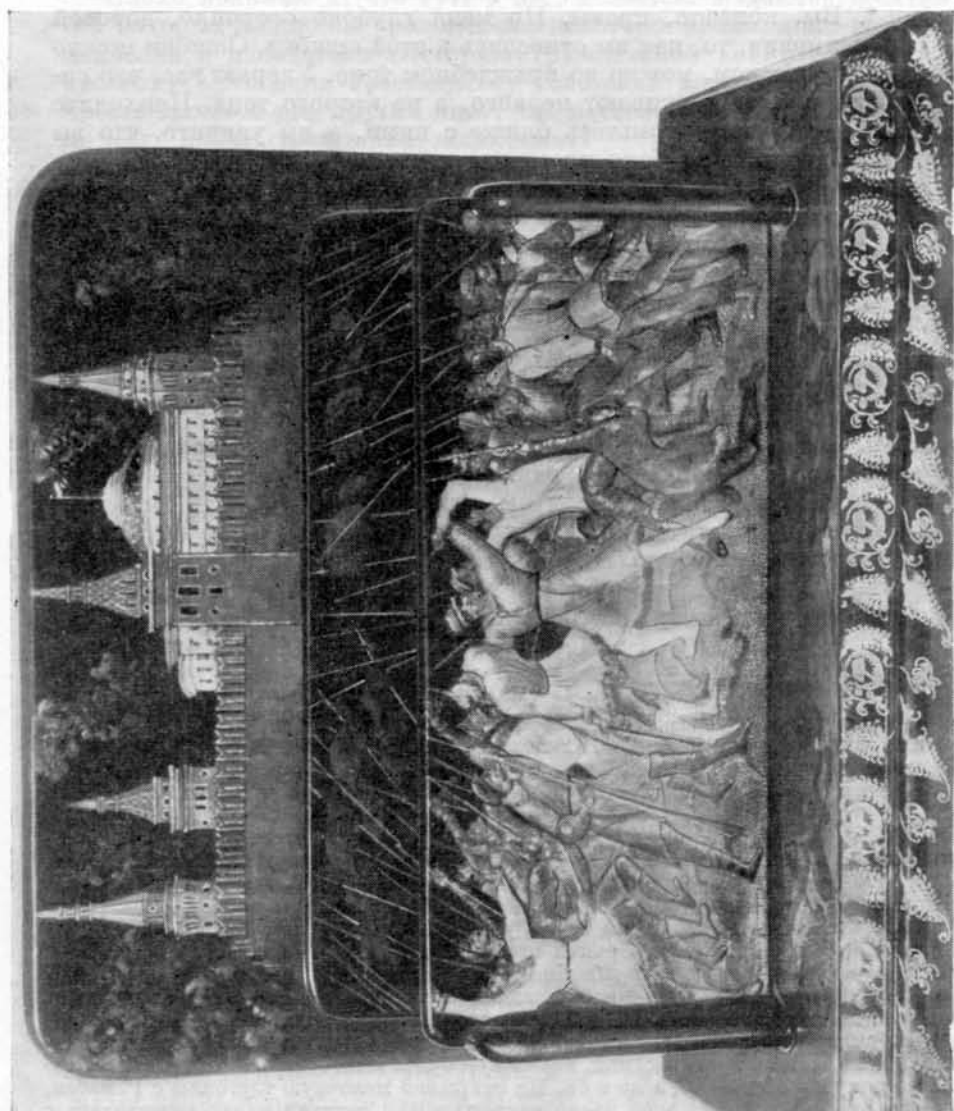
Позвольте несколько замечаний по существу. Самое тяжелое из ваших обвинений, будто составители сборника пропустили ряд имен, не включили Пришвина, Толстого, Федина и т. д., изложено так, что могут подумать, будто составители проявили непростительную ошибку или даже невежество. Ведь это несправедливо. Количество пропущенных имен можно увеличить в десятки раз, и все они войдут во второй, подготовляемый в настоящее время том, а может быть и в следующие. В предисловии

совершенно определенно говорится об этом несколько непривычном порядке издания. Там прямо сказано: «Ряд писателей, сведения о которых составители признавали целесообразным включить в первый выпуск, пришлось отложить до следующих, исключительно вследствие отсутствия у составителей материалов, достаточных для освещения биографии и истории творчества данных писателей».

Все, кто занимается подобными работами в настоящее время, на основании существующего опыта знают, что такой порядок издания является наиболее реальным. Издавать подобный био-библиографический словарь писателей в алфавитном порядке, т<о> е<сть> сначала собрать *всех без исключения* писателей на букву А, потом на букву Б и т. д., это значит затеять неосуществимое дело. В библиографическом кабинете Академии состоялся ряд заседаний, и вопрос был подвергнут тщательному обсуждению, прежде чем указанный порядок был принят. Можно, конечно, сказать: «Соберите сначала всё, и только тогда издавайте». В письме я не могу привести вам всю аргументацию против подобного предложения, но я уверен, что если вы ознакомитесь с нею, то и вы согласитесь, что подобные издания можно осуществить только, выпуская отдельные выпуски по мере накопления материала. Ведь именно по этой причине застрял чуть ли не в самом начале знаменитый словарь Венгера³. В особенности, если вы примете в расчет, что речь идет о писателях современной эпохи, то станет ясно, что издание должно быть чем-то средним между словарем и изданием периодическим.

Наконец, если вы находите самую идею издания, самый порядок его неправильными, то, конечно, я ничего не мог бы возразить против такой постановки вопроса. Но ведь ваша статья говорит о другом. Не упомянув о подходе к делу самой Академии, вы обвиняете ее в том, что она отнеслась небрежно к своей задаче. При подходе нашем ясно, что пропуск одного писателя и помещение другого, с нашей точки зрения, вовсе не означает унижения одного за счет второго. Очень незначительный писатель может оказаться в первом выпуске и очень крупный во втором. Вот почему в первый выпуск попали Выгодский и Вольпин и нет там Ивана Вольного или Пришвина, или сибирских писателей, материалы о которых в настоящее время разрабатываются. Поверьте, Алексей Максимович, что это — Сизифова работа, что ведется она фанатиками этого дела, получающими за нее гроши. Вы пишете: «Составители книги забыли о Шмелеве, Мережковских...» и т. д. Кто поверит, что они действительно могли забыть, такие участники сборника, как Мандельштам, это старая работница, которой принадлежит знаменитые «Указатели марксистской критики»⁴, ставшие настольной книгой каждого исследователя литературы?

Трудностью дела объясняются и ошибки. И здесь некоторые указания ваши мне непонятны. Например, отметив, что про одного писателя сказано: «Родился в Харькове на Лысой Горе», вы иронически прибавляете: «Это очевидно весьма характерная подробность, но не совсем ясно, что же она значит? И, если не ошибаюсь, Лысая Гора в Киеве, а не в Харькове». Почему вас удивило это? Ведь в книге о каждом писателе сказано, где он родился. И данный писатель (Бибик) не может составить исключения с точки зрения принятого плана. Он действительно родился в Харькове на Лысой Горе (рабочее предместье), хотя Лысая Гора, возможно, существует и в Киеве. Вы пишете, что не упомянуто об основании Гастевым ЦИТа. — Но в книге сказано: «Стоит во главе Центрального института труда». Впрочем, не буду останавливаться на этом. В книге, конечно, есть ошибки, даже, может быть, более существенные, чем указанные вами. Но думаю, что этих ошибок здесь не больше, а, вероятно, даже меньше, чем в самых лучших энциклопедиях. Вы найдете их немало и у Рубакина⁵, и даже в Большой Советской Энциклопедии, в которой каждая



ЧЕРНИЛЫЙ ПРИБОР ГОРЬКОГО

Работа пахотского художника И. И. Голубова, 1927 г. (Деталь)

Рисунок изображает Октябрьские дни в Москве

Музей Горького, Москва

статья проходит ряд инстанций и где я сам заведу целым отделом И опять замечу, что всякий работающий в этом деле знает, что ошибки неизбежны, что самая тщательная проверка и добросовестность не спасают от них. Я мог бы указать вам их даже в иностранных справочных изданиях, славящихся своей непогрешимостью.

Остается ваше действительно очень для нас неприятное и тягостное обвинение по поводу неточностей, допущенных по отношению к вашей биографии⁶. Вы, конечно, правы. Но меня глубоко огорчило, дорогой Алексей Максимович, то, как вы отнеслись к этой ошибке. Ошибки можно указывать в дружеском, можно во враждебном тоне. Уверю вас, что составители сборника заслуживают первого, а не второго тона. Приходите к нам в Академию, познакомьтесь ближе с ними, и вы увидите, что вы имеете дело с людьми, глубоко преданными своему делу, а не с людьми небрежными и недобросовестными, которых следует «разделать». Мы посылаем вам все издания Академии, и вы сами не раз в письмах ко мне указывали на то, сколько среди этих изданий полезных и нужных. Известно ли вам, что Академия получает на всю свою издательскую деятельность три, четыре и только в последний год шесть-семь тысяч рублей ежегодно. Я пишу это не для того, чтобы пожаловаться, но для того, чтобы вы получили хоть слабое представление о тех усилиях, которые приходится затрачивать для издания стольких книг, при таких скудных средствах.

Не сердитесь, Алексей Максимович, на то, что я отнял у вас много времени. Мы слишком все ценим вас, чтобы не мириться с вами даже в тех случаях, когда какой-нибудь ваш шаг даже кажется нам ложным. Но если мои доводы убедили вас и вы захотите облегчить то тягостное чувство, которое ваша статья оставила у ряда работников, то вы, конечно, сами найдете способ сделать это.

Каникулы в Академии закончились. Мы были бы все очень счастливы, если бы вы посетили Академию, конечно, предупредив об этом.

Искренне ваш П. К о г а н

Ул. Кропоткина, д. 32, кв. 6.

¹ «О двух книгах». — «Известия», 1928, № 211, от 11 сентября.

² «Писатели современной эпохи». Составители Б. П. Козьмин, Д. Д. Благой и Р. С. Мандельштам. М., ГАНХ, 1928.

³ С. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей. Пг., 1899—1904, тт. I—VI (А — К).

⁴ Р. С. Мандельштам была составителем ряда указателей: «Художественная литература в оценке русской марксистской критики» (изд. 1. Саратов, 1921; изд. 4. М., 1928); «Марксистское искусствознание». М. — Л., Госиздат, 1929.

⁵ Николай Александрович Рубакин (1862—1946) — писатель, автор ряда работ по библиографии. Наиболее крупный труд Рубакина «Среди книг». СПб., 1906.

⁶ В статье «О двух книгах» Горький писал: «Несколько слов о себе самом. Я — человек, биография которого разработана весьма подробно, печатается назойливо часто, и составители книги, изданной Академией художественных наук, могли бы, мне кажется, не допускать ошибок, излагая эту, всем известную биографию. Но допустили. Бабушку мою звали Акулиной, а не „Авдотьей“. Учился я в приходской двухклассной школе, а не в трехклассной, каких как будто и не было в 70-х годах. На самоубийство покушался в 87 г., а не в 88. Не открывал мелочную торговлю с Ромасем, а был приглашен им в лавку, уже давно открытую. В „Знании“ начал участвовать с 902 г., а не с 4-го. Общество „Свобода и культура“ организовано не мною. За границу я уехал в ноябре 21-го, а не в 20-м году» («Известия», 1928, № 211, от 11 сентября).

Дорогой Петр Семенович —

не соглашаясь с порядком распределения материала в книге «Писатели современной эпохи», я приношу мое извинение за ошибки, допущенные

мною; извинение будет напечатано вместе с возражением составителей книги ¹.

Между нами, П(етр) С(еменович), книга все-таки не кажется мне удачно сделанной, книга Владиславлева ² — лучше ее.

Враждебность тона — отрицаю, ибо не чувствовал, не чувствую ее. Возможно, что близость заметки об Асееве отражается на рецензии ³.

Плохо понимаю я, что тут, у вас, делается. Издаются десятки книг, без которых можно бы прожить еще некоторое время, а вот добиться, чтоб написали и напечатали «Историю гражданской войны», для крестьян брошюру «Что дала крестьянству советская власть», «Труд рабочего и крестьянина» и ряд других книг, для массового читателя необходимых, — не могу добиться издания таких книг!

Очень грустно.

Вы на меня не сердитесь. Очень много у вас такого, что нужно бы устранить.

Жму руку. А. Пешков

22.IX.28.

Не найдете ли вы, П(етр) С(еменович), возможным пристроить для издания материалы, названные в прилагаемом списке?

Если не найдете, — возвратите, пожалуйста, мне этот список ⁴.

А. П.

¹ Возражения составителей книги напечатаны не были, так же, как и заметка Горького. Приводим текст этой заметки:

«Признать удачным тот порядок расположения материала, который защищают составители книги, — не могу. Думаю, что каждого читателя — так же, как меня — удивит тот факт, что Черубина Габриак и В. Буренин находят место в книге, где нет многих очень крупных писателей. Думаю также, что если человека именуют философом, — следует указать его философские труды. Тон заметки моей не считаю „раздражительным“, за ошибки, мною допущенные, приношу составителям книги искренние мои извинения.

М. Горький

22. IX. 28» (АГ).

² Речь идет о книге И. В. Владиславлева «Литература великого десятилетия (1917—1927)». М.—Л., Госиздат, 1928.

³ В статье Горького наряду с изданием «Писатели современной эпохи» была подвергнута резкой критике книга Н. Асеева «Разгримированная красавица. Путевые заметки». М., «Федерация», 1928.

⁴ В АГ список не обнаружен.

16

ГОРЬКИЙ — КОГАНУ

<Сорренто. 7 марта 1929 г.>

Дорогой Петр Семенович —

разрешите напомнить вам о Вячеславе Ивановиче Иванове ¹.

Он очутился в положении весьма драматическом: у него заболел сын острой формой туберкулеза. Сын — в санатории, это стоит не дешево, а заработок В(ячеслава) И(вановича) — ничтожен. Нельзя ли ускорить разрешение вопроса о пенсии ему? И — не издаст ли Академия перевод «Ада»? ².

В(ячеслава) И(вановича) особенно следовало бы поддержать здесь, он ведь в исключительной позиции: «русский, советский профессор, с красным (!) паспортом читает итальянским профессорам лекции по литературе». Анекдот «исторический». Кстати: у него есть большая работа об Эсхиле, — Академия не могла бы издать?

Желаю вам всего доброго.

Погода здесь — ужасающая! И — грипп!

Жму руку. А. Пешков

7.III.29.

¹ Вячеслав Иванович *Иванов* (1866—1949), поэт и филолог, видный деятель русского символизма. С 1924 г. жил в Италии, до 1937 г. оставаясь советским подданным. Был профессором Римского университета.

Горький неоднократно встречался с Ивановым. Сохранилась его заметка, посвященная Иванову. См. «Архив А. М. Горького», т. VI. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 210.

² «Ад», первая часть «Божественной комедии» Данте, в переводе В. И. Иванова в ГАХНе издан не был.

17

КОГАН — ГОРЬКОМУ

Москва. 4 апреля 1929 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Я уже давно хлопочу о пенсии В. И. Иванову, но, к сожалению, до сих пор мои старания были безуспешны. Надеюсь, что ваше письмо поможет мне. Я сообщил о нем лицам, от которых зависит ускорение этого дела. Было бы *очень важно*, если бы наш полпред в Риме со своей стороны прислал поддержку ходатайства В. И.

Я очень рад был получить от вас несколько строк, хотя и по случайному делу. Огорчил ваш грипп. Как вы себя чувствуете в настоящее время? Надеюсь, что болезнь прошла. У меня есть некоторая надежда, что летом удастся побывать в Италии и увидеть вас. О многом хотелось бы поговорить с вами и услышать ваше мнение. Здесь в Москве этого не пришлось сделать — уж слишком вас тормозили — и не хотелось увеличивать еще на единицу количество надоедавших вам людей.

Искренне ваш

П. С. К о г а н

18

КОГАН — ГОРЬКОМУ

Москва. 11 июня 1929

Дорогой Алексей Максимович!

Я очень расстроен нашим разговором во время открытия съезда без божников ¹. Более всего тяжела мне мысль, что вы могли приписать мне подобную работу ². Вы не представляете себе, как бережно относимся и я лично, и вся наша Академия к каждому слову, которое выходит из-под вашего пера. Когда, после наших бесед в Сорренто, мне захотелось поделиться с широкой публикой своими незабываемыми впечатлениями от этих бесед ³, вы помните, что я не решился сделать это, не запросив предварительно вашего разрешения. И так же поступил я, когда почувствовал потребность использовать одно из частных ваших писем ко мне ⁴. Тем более я никогда не допустил бы каких бы то ни было изменений и сокращений в такой книге, как «Детство», да еще без вашего ведома и согласия. После нашего разговора я немедленно позвонил Пиксанову ⁵, и он заявил мне, что находится в таком же положении, как я. Книга вышла без моего ведома, не только корректуры или рукописи мне никто не присылал, но и даже на какое-нибудь совещание, где возникла эта идея издать в испорченном виде «Детство», — меня никто не приглашал. Каким образом было использовано так недобросовестно мое имя, я не знаю, и дело это, конечно, придется расследовать, что я и поручил моему секретарю. Как трудно работать в наше время, хотя все это и понятно при грандиозности поставленных нашими днями задач, при сознании, что следует

быть снисходительным к перегруженным иногда работами сотрудникам! И вот я, всегда бывший врагом переделок и сокращений настоящих художественных произведений, вдруг оказался редактором испорченного издания такой книги, как ваше «Детство»! Ведь не всегда удастся разъяснить подобные «недоразумения», а ведь от такого «недоразумения» часто гибнет репутация человека. Мне кажется, что Госиздат обязан реабилитировать каким-нибудь заявлением редакторов, попавших незаслуженно в неприятную историю, и принять все меры, чтобы уничтожить эту книгу. Лично я хотел бы поговорить с вами о том, какие действия нужны с моей стороны. Этот случай, Алексей Максимович, лишний раз подтверждает, до какой степени мало ценят у нас настоящую тщательную работу. Уверяю вас, что если бы наблюдение за изданием ваших книг было бы поручено нашей Академии, то такие случаи были бы невозможны или очень редки, — и мы не безгрешны.

Позвольте теперь предложить вам некоторые данные по вопросу, о котором мы говорили во время моего визита к вам, именно по вопросу об издании литературы народов СССР. При Академии, как я уже указывал вам, имеется большой комитет по изучению искусства народов Союза. В комитете организованы уже следующие разделы: украинский, грузинский, белорусский, татарский и узбекский. Ведется работа по организации и других разделов. Комитет в настоящее время объединяет около трехсот человек научно-художественных сил из самих националов, живущих в Москве и на местах. ГАХН полагает, что изучение искусства народов СССР, помимо чисто научного значения тех выводов, которые оно может дать для сравнительного искусствovedения, — имеет и важное политическое значение, поскольку научная и вообще культурная связь между союзными республиками является одним из самых действительных средств в борьбе против всякого сепаратизма и национализма.

Приступая практически к этому делу, Академия с первых же почти шагов столкнулась с большими затруднениями и прежде всего с полным почти отсутствием работ и знаний по искусствам народов СССР не только среди широких, даже интеллигентских масс, но и среди ученых. Еще менее знают народы, населяющие Союз, о быте, характере, истории национальных республик. Преодоление этих препятствий является настоятельной необходимостью во всех отношениях. Крупным шагом на этом пути могли бы послужить два начинания:

1. Организация специального издательства по национальным культурам (издание художественной литературы и научных исследований по искусству).

2. Создание театра народов СССР, в репертуаре которого должны быть представлены исключительно оригинальные пьесы (в переводе на русский язык) из жизни национальных республик Союза. Эти учреждения могли бы стать базой, при помощи которой мы могли бы сделать искусство народов СССР достоянием широких масс и развить научную проработку проблем национальных искусств. И в настоящее время организационные работы и научные исследования уже начаты по некоторым разделам комитета, по другим — разрабатываются программы работ.

Позвольте повторить вам то, о чем я уже говорил при личном свидании, что Академия считает необходимым условием быстрого и успешного развития издательства принятие вами на себя в нем руководящей роли. Не говоря уже о том, что вы являетесь пионером в деле продвижения у нас национальных литератур, ваше руководство при составлении плана, при выработке принципов всего этого начинания, при отборе материала, при оценке переводов, для которых ваша требовательность и взыскательность к слову будут иметь огромное значение, необходимо, и когда я сообщил в Академии, что вы не отказываетесь взять на себя руководство

этим делом, это вызвало общую радость¹. Я убежден, Алексей Максимович, что мы можем сделать нужное и большое дело.

Искренно преданный вам
П. С. К о г а н

¹ Съезд открылся 10 июня 1929 г.

² Речь идет о сокращениях в повести «Детство» (изъяты I—IX главы), изданной в серии «Библиотека классиков» под общей редакцией П. С. Когана, И. Н. Кубикова и Н. К. Пиксанова. М., Госиздат, 1929.

³ См. письмо 6, прим. 1.

⁴ См. письмо 11, прим. 1.

⁵ Николай Кирьякович *Пиксанов* (р. 1878) — литературовед, ныне член-корреспондент АН СССР.

⁶ Издательство не было организовано.

19

ГОРЬКИЙ — КОГАНУ

⟨Сорренто.⟩ 10 октября 1929 г.

Дорогой Петр Семенович —

посылаю статейку о Р. Роллане, исправив ее¹.

Написать новую или увеличить эту — не могу, перегружен спешной работой.

Жму руку.

А. П е ш к о в

10.X.29.

¹ «О Ромене Роллане». Статья была написана Горьким в 1926 г. в связи с 60-летием Ромена Роллана. Впервые напечатана в сборнике: «Liber amicorum Romain Rolland... Hunc librum curaverunt edendum Maxim Gorki, Georges Duhamel, Stefan Zweig» («Книга друзей Ромена Роллана... Эту книгу подготовили к печати Максим Горький, Жорж Дюамель, Стефан Цвейг». Цюрих, Лейпциг, изд. Ронигер, 1926). Одновременно статья была опубликована в журн. «L'Еurope», Париж, 1926, № 38, от 15 февраля, и в «Красной нови», 1927, № 6.

Исправленный текст статьи был опубликован в виде предисловия в первом томе Собр. соч. Ромена Роллана, выходившего под общей редакцией П. С. Когана и С. Ф. Ольденбурга (М., «Время», 1930).